

Д.Д. Фрэзер

Фольклор в Ветхом завете

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Д. Фрэзер**
Фольклор в Ветхом завете / Д.Д. Фрэзер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 394 с.

ISBN 978-5-458-05723-3

Джеймс Джордж Фрэзер. Профессор Кембриджского университета, философ и этнограф, но прежде всего - исследователь истории религии. Его необычайно яркие произведения неизменно вызывали огромный интерес самой широкой читательской аудитории, пробуждая вопросы, заставляя спорить, вступать в дискуссии и главное - думать. "Фольклор в Ветхом завете" - ключевая работа для понимания историко-философской концепции Фрэзера. Возможно, попытка автора проследить в Книге книг - Библии - исторические корни древних мифов иному христианину может показаться дерзкой, однако точность и уверенность позиции Фрэзера, предвосхитившего многие историографические открытия нашего времени, вызывают уважение к его философской позиции...

ISBN 978-5-458-05723-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Д. Фрэзер, 2021

Джеймс Джордж Фрэзер
Фольклор в Ветхом завете

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли найдется в истории письменности другой такой памятник, о котором бы столько писали, столько бы спорили, как Библия. И вряд ли давались одной книге столь различные оценки – от религиозного преклонения перед ней («Библия – священное писание») до юмористической перелицовки библейских сюжетов («Занимательная Библия» Лео Таксиля). В религиозноведческой литературе мы также находим множество сочинений, авторы которых обращались к Библии.

Несколько поколений ученых разных специальностей, применяя исторический метод, бились над решением проблем происхождения и истории книг Ветхого и Нового заветов. Много сделано, ряд вопросов прояснился. После работ Ж. Астриюка, В. Де Ветте, Г. К. Графа, Ю. Вельхаузена и других классиков библейской критики никто уже не оспаривает их основных выводов: главная часть Ветхого завета (Новый завет оставим здесь в стороне) – а именно Пятикнижие Моисея – составила из нескольких друг другу противоречащих текстов, условно названных Яхвист, Элохист, Второзаконие, Жреческий кодекс; были предположительно установлены хронологические даты написания отдельных источников, время их сложения в единый памятник; проведено текстуальное сопоставление библейских текстов с мотивами религиозно-мифологической литературы Вавилона, Египта, античного мира, определены пути их взаимного соприкосновения и заимствования...

Но многое в критическом изучении библейских книг, содержащихся в них сюжетов и мотивов долгое время оставалось еще неясным. Привлечь в более широких масштабах этнографический и фольклорный материал – аналогичные библейским мотивы и сюжеты в верованиях и обрядах древних и новых народов, чтобы на нем построить объяснение темных мест в ветхозаветных текстах, – такую задачу принял на себя автор сочинения «Фольклор в Ветхом завете» английский (точнее, шотландский) ученый Джеймс Джордж Фрэзер.

Прославивший свое имя целым рядом блестящих этнографических, религиозноведческих и других сочинений, начиная с первого издания классической «Золотой ветви» (1-е изд. в 2-х кн., 1890 г.), за которой последовали «Описание Греции» Павсания» (6 томов, 1898 г.), «Тотемизм и экзогамия» (4 тома, 1910 г.), «Вера в бессмертие» (3 тома, 1913 г.), «Почитание природы» (1926 г.), «Мифы о происхождении огня» (1930 г.), «Страх смерти в примитивной религии» (1933 г.) и другие, Фрэзер постепенно усовершенствовал свой чисто эволюционистский метод, применяя его к исследованию общих фольклорно-этнографических и религиозноведческих проблем. Его «Золотая ветвь» постепенно развернулась в 12 капитальных томов (1911 – 1915 гг.)¹. Попутно, по мере изучения очередных проблем, ученый касался вопросов древнееврейской религии, и ему показалось полезным собрать в одно целое «ветхозаветные» факты и проблемы, осветив их сравнительно-этнографическими данными. Так родилось объемистое трехтомное сочинение – «Фольклор в Ветхом завете» (1918 г.), вскоре сжатое самим автором до однотомного (1923 г.).

Разумеется, читая книгу, современный читатель должен помнить о том, когда она написана, учитывать своеобразие научных позиций автора и особенности его

литературного стиля. Со времени ее выхода в свет прошло почти семь десятилетий. Естественно, кое-что в ней просто устарело. Не всегда для нас приемлема терминология Фрэзера. Надо помнить и о том, что примеры, приводимые им, порой почерпнуты из записок христианских миссионеров и колониальных служащих, и относиться к ним следует с известной скидкой на сам их характер.

Бурные события нашей эпохи внесли немало изменений в жизнь народов, чьи нравы и обычаи нашли отражение в труде Фрэзера. Многие из этих народов вступили на путь национально-освободительной борьбы. Рухнула колониальная система империализма. В процессе прогрессивного развития обретших свободу стран преодолевается их вековая отсталость, уходят в прошлое традиции, покоившиеся на невежестве людей, на смену им приходят новые. И это тоже надо иметь в виду читателю. За время, прошедшее с момента написания книги, изменились и многие географические названия. Поэтому представляется вполне оправданным снабдить данное издание специальной географической справкой. Думается, что столь же оправдан указатель этнических наименований, помещенный в конце книги.

Кое-кого может удивить манера ученого приводить примеры без ссылок на первоисточники. Видимо, в какой-то мере она была продиктована его стремлением максимально сократить объем издания, которое, как уже отмечалось, было доведено им до одного тома. Настоящий перевод сделан именно с однотомника, вышедшего на английском языке. И в данном случае все претензии следует относить к оригиналу.

И еще одна оговорка. У Фрэзера почти все библейские персонажи представлены как исторические личности, хотя в действительности, как это ныне убедительно доказано, многие из них носят явно мифический характер. Анализируя Библию, Фрэзер воспринимает ее такой, как она написана, не останавливаясь на вопросе об историчности ее героев. И это понятно, если помнить, что его в первую очередь интересовали определенные аспекты духовной культуры человека. Поэтому нужно критически относиться к тем текстам, в которых те или иные персонажи характеризуются в качестве реально существовавших. Во всех случаях надо исходить из того, что труд Фрэзера принадлежит своему времени. И его следует соотносить с этим временем, как и любое научное исследование прошлого, к которому мы обращаемся в наши дни.

«Фольклор в Ветхом завете», по существу, сборник печатавшихся раньше статей, но Фрэзер постарался придать ему вид обобщающей монографии, поставив во главу угла самую сложную и спорную проблему – вопрос о составе и источниках Пятикнижия Моисея.

Эволюционистский метод вполне оправдал себя, особенно в уразумении первых страниц Библии, повествующих о «сотворении» первых людей и о жизни их в раю. Фрэзеру удалось убедительно показать широкую распространенность у народов разных стран мифологических мотивов, которые не привлекали к себе внимания, но которые, видимо, лежали в основе библейской повести о первых людях. В частности, прекрасно разъяснена мифологема смерти: мотив омоложения через сбрасывание кожи (отсюда змея в рассказе о грехопадении) и мотив ложной вести (змея обманула первых людей). Сочетание этих двух мотивов и составило канву библейского рассказа о грехопадении и об утрате бессмертия.

Жаль, однако, что Фрэзер не дошел здесь до конца. Он не уделил достаточно-

го внимания самому существенному, быть может, мотиву в этом библейском рассказе – мотиву «древа познания добра и зла». Что представляло собой это дерево и почему всякий, кто съедал его плоды, подвергался неминуемой смерти? Фрэзер лишь слегка коснулся этого вопроса, а он представляет едва ли не самую важную часть всей проблемы. Ведь мифология всех времен и народов знает не меньше пяти видов мифологических деревьев (не считая реальных деревьев, ставших предметом религиозного почитания): это «мировое дерево» (мифологическая модель мира), «дерево жизни» и «дерево смерти» (типа анчара), «шаманское дерево» (место подготовки или посвящения шамана) и, наконец, «дерево познания добра и зла». Генезис первых четырех видов этих мифологических деревьев более или менее ясен, реальная основа каждого из них легко поддается расшифровке. Но что такое «дерево познания», которое бог посадил «посередине рая», т. е. в самом легкодоступном месте, и тем не менее наложил на него столь строгое табу?

Самое же главное: почему нарушение первыми людьми божьего запрета («грехопадение») привело к «открытию глаз» у них? Что именно узнали они, вкусив запретные плоды? Казалось бы, если следовать логике рассказа книги Бытие, перед открывшимися глазами Евы и Адама развернулся весь огромный и только что созданный мир, вся вселенная, земля и небо! Но нет. Оказывается, узнали они только одно – они наги. Мало того, даже не всю наготу свою увидели Ева и Адам, а только ту часть ее, которую можно закрыть «опоясаниями» из листьев! В чем же еще заключалось то «добро и зло», познавать которое человеку запрещалось? Этот вопрос остается без ответа, Фрэзер его даже не ставит... Да и немудрено: для полного и убедительного решения проблемы нужно было бы подвергнуть исследованию все известные формы культа деревьев, а заодно и культа священных рощ – вероятного истока мифологизации деревьев; только таким путем удастся, быть может, понять происхождение такого редкого поверья, как «дерево познания».

Для полной убедительности концепции Фрэзера не хватает еще одного: надо бы объяснить, каким образом библейский «змей» постепенно превратился в дьявола-соблазителя, сатану и злого духа – эволюция, для которой рассказ книги Бытие не дает, в сущности, никакой опорной точки.

Таков первый, наиболее общий круг проблем, касающихся истории всего человечества, истории «грехопадения» прародителей и его последствий. Первый, но, быть может, не самый показательный в смысле применяемого Фрэзером метода. Вслед за первыми двумя главами, посвященными «древнейшей эпохе существования мира», идет целая серия глав (первоначально это были самостоятельные статьи), хотя и не всегда связанных одна с другой, но подчиненных единой исторической схеме – «Великий потоп», «Эпоха патриархов», «Эпоха судей и царей», «Закон» – схеме, достаточно выдержанной.

Главы эти, как читатель сам может легко заметить, весьма неравновелики и, добавим, неравноценны. Четвертая глава, посвященная «Великому потопу», – самая большая, занимает сто страниц; «небесной лестнице» уделено всего лишь три страницы, а «культу высот» – пять страниц. Поэтому и весьма различна степень информативности глав. Прочтя, например, ту же главу о потопе, читатель может считать себя более или менее осведомленным в вопросе о влиянии стихийных катастроф на исторические судьбы людей: эти вопросы трактуются с

должной обстоятельностью, на высоком научном уровне.

Наоборот, известный эпизод с мнимым похищением чаши в рассказе об Иосифе дал повод Фрээрзу лишь к поверхностной заметке о способах гадания по сосуду с водой. История Иакова (отца Иосифа), обманом отнявшего первородство у своего брата Исава, послужила автору предлогом для интереснейшего обзора обычаев минората (система наследования имущества младшим в семье) в разных странах и в разные эпохи. А сложнейшие исторические проблемы, связанные с личностью законодателя Моисея, обойдены в книге почти полным молчанием.

Таким образом, содержание предлагаемой книги очень пестро. Надо, кстати, добавить, что в первоначальном трехтомном издании этой книги содержание ее выглядело еще пестрее. Там были главы очень содержательные, посвященные самым разным предметам. Например, обширный обзор обычаев так называемого кросскузенного брака (предпочтительный брак с дочерью брата матери) с попыткой выяснить корни этого обычая и др. В однотомном издании сам автор изъясил их, видимо стремясь достигнуть большей монолитности содержания. Монолитности, правда, особой не получилось, и даже можно пожалеть об исключении автором некоторых интересных глав: переход через Красное море, Соломон и царица Савская, Иона и кит и др.

Не будем, впрочем, упрекать автора за эти пропуски. Скажем ему спасибо за то, что он дал – пусть не в строгой системе, зато в фактографическом изобилии.

Подчеркнем здесь одну важную сторону научного творчества Джеймса Фрээрза – его идейную направленность. Как в этой книге, так и в других Фрээрз выступает как либеральный, свободомыслящий ученый, поднимающийся порой до понимания исторических связей фактов, которыми так богата книга. В то же время Фрээрз избегает резких оценок, предпочитая выступать с «объективистских», «нейтральных» позиций. Но материал его книги говорит сам за себя, особенно где дело идет о религиозно-магических обрядах.

Тенденция смягчать оценку различных мифологических персонажей доводит порой Фрээрза до прямого их искажения. Яркий пример – характеристика центрального образа библейской религии – бога Яхве, к которому он не раз возвращается в своей книге. Яхве у него – не грозный каратель, не жадный потребитель человеческой и животной крови, а «вспыльчивое, но, в сущности, добродушное божество», которое великодушно предоставило первым людям свободный выбор – жизнь или смерть; и не его вина, если люди почему-то выбрали смерть, отказавшись от вечной жизни.

Эта наивная апологетика, впрочем, не слишком портит научную ценность книги с ее свободомыслящим в целом стилем. А налет романтического любования, которым отмечены у Фрээрза описания природы – арены действий мифологических персонажей, – скорее ее украшает. Блестящий поэтический талант Фрээрза (он даже писал стихи!) сочетался с умением проникнуть в дух эпохи, со стремлением оживить памятники древности, отнеся их к определенному ландшафту. Эти страницы книги читаются как художественная проза.

С. А. Токарев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА СУЩЕСТВОВАНИЯ МИРА

Глава I. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Для внимательного читателя Библии едва ли останется незамеченным резкое противоречие между двумя рассказами о сотворении человека, которые изложены в первой и второй главах книги Бытие. В первой главе мы узнаем, как в пятый день творения бог создал рыб и птиц, вообще всякую тварь, живущую в воде и воздухе, как в шестой день он сотворил сперва всех земных животных, а потом людей и что люди были представлены мужчиной и женщиной. Таким образом, из этого рассказа мы заключаем, что человек был последним по времени созданием из всех существ, живущих на земле, а также, между прочим, что различие полов, как существенный признак человеческого рода, присуще также и божеству; но как примирить такое различие с единством божества, это вопрос, на который автор не удостоил нас ответом. Оставляя, однако, в стороне эту теологическую проблему, как слишком, быть может, глубокую для человеческого понимания, обратимся к более простому вопросу – о последовательности событий и остановим наше внимание на том утверждении, что бог сотворил сперва низших животных, а потом человеческие существа и что эти последние (мужчина и женщина) были созданы, по всей видимости, одновременно, причем оба в равной мере отражали величие их божественного оригинала. Так мы читаем в первой главе. Но когда мы переходим ко второй главе, то, к немалому нашему смущению, мы находим здесь уже другой, прямо противоположный рассказ о том же самом акте столь большой важности. Здесь мы совершенно неожиданно узнаем, что бог сотворил сперва человека в образе мужчины, потом низших животных и после них, уже по позднее возникшему замыслу, женщину, создав ее из ребра, которое он взял у мужчины, пока тот спал. Порядок расположения творений по их рангу в обоих рассказах явно противоположный. В первом рассказе бог начинает с рыб и продолжает творить по восходящей линии, переходя от рыб к птицам и зверям, а от них к мужчине и женщине. Во втором рассказе его созидательная работа идет по нисходящей линии – от мужчины к низшим животным и от них к женщине, которая, очевидно, знаменует собой самую низшую ступень божественного творчества. И в этой второй версии ни слова не говорится о том, что мужчина и женщина созданы по образу бога, а просто сказано, что «создал господь бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Впоследствии, чтобы облегчить одиночество человека, который, не имея спутника, слонялся по устроенному для него прекрасному саду, бог сотворил всех птиц и зверей и дал их человеку; очевидно, для того, чтобы те развлекали его и составили ему компанию. Человек посмотрел на них и дал им все имена, но эти товарищи ему все-таки не понравились, и тогда только бог как бы с отчаяния создал наконец женщину из незначительной части мужского скелета и дал ее в жены человеку.

Резкое противоречие между обоими рассказами объясняется весьма просто, тем обстоятельством, что они происходят из двух различных и первоначально

самостоятельных источников, впоследствии включенных в одну книгу редактором, который механически связал оба рассказа, не удосужившись даже смягчить или сгладить противоречия.

Рассказ о сотворении мира в первой главе восходит к так называемому Жреческому кодексу², составленному жрецами во время вавилонского пленения или после него. Рассказ о сотворении человека и животных во второй главе восходит к так называемому Яхвисту, написанному на несколько столетий ранее первого, вероятно в IX в. до новой эры. Различие религиозных установок обоих авторов бросается в глаза. Более поздний автор Кодекса имеет абстрактное представление о боге как о существе, которое недоступно человеческому глазу и творит мир простым велением. Более ранний автор Яхвиста представляет себе бога в конкретной форме, как существо, которое говорит и действует подобно человеку, которое лепит человека из глины, разводит сад, гуляет в этом саду в часы дневной прохлады, призывает к себе Адама и Еву, спрятавшихся за деревьями, делает им одежду из кожи вместо слишком легких опоясаний из фиговых листьев, которыми наши праотцы стыдливо прикрывали свою наготу. Очаровательная наивность, почти веселый тон более раннего рассказа составляет прямой контраст с важной серьезностью позднейшего, хотя в то же время нас поражает некоторый налет грусти и пессимизма, пробивающийся сквозь яркие краски, которыми яхвистский художник рисует нам жизнь того невинного века. В особенности же он почти не пытается скрыть своего грубого презрения к женщине. Появление на свет женщины в последнюю очередь и самый способ ее сотворения – необычный и унижительный – из ребра ее господина и владыки, тогда как все низшие животные сотворены нормальным и приличным способом, в достаточной степени обнаруживают его невысокое мнение о женской природе; впоследствии это его, прямо сказать, женоненавистничество принимает еще более мрачный оттенок, когда он все несчастья и горести человеческого рода приписывает легковерной глупости и неумному аппетиту его праматери.

Из этих двух рассказов более ранний, т. е. яхвистский, не только живописнее, но и богаче фольклором, ибо в нем сохранилось обаяние примитивного простодушия, которое тщательно затушено позднейшим автором. В соответствии с этим первый рассказ дает больше материала для сравнения с теми по-детски наивными рассказами, с помощью которых люди в разные века и в разных странах пытались объяснить великую тайну появления жизни на земле. Некоторые из этих бесхитростных преданий я и приведу на следующих страницах.

По-видимому, яхвистский автор представлял себе, что бог вылепил первого человека из глины совершенно так же, как это сделал бы гончар или как ребенок лепит куклу из глины, и что, вымесив глину и придав ей надлежащую форму, бог оживил вылепленную фигуру своим дыханием в ее рот и ноздри, т. е. тем же способом, каким пророк Елисей, по библейскому рассказу, возвратил к жизни мертвого ребенка сонмитянки: он лег на его тело, приложил свои глаза к глазам ребенка и свой рот ко рту ребенка, без сомнения, для того, чтобы передать телу свое дыхание; после этого ребенок чихнул семь раз и открыл глаза. Происхождение человеческого рода из праха земного представлялось евреям еще более естественным потому, что на их языке слово «земля» («адама») грамматически есть женский род от слова «человек» («адам»). На основании многочисленных свидетельств, обнаруживаемых в вавилонской литературе, можно полагать, что

